

„Нас было двенадцать веселых парней...“

Мы знаем многих музыкантов, которые служили делу Победы. В составе фронтовых бригад, ансамблей они колесили дорогами войны с концертами, вдохновляя бойцов на ратный подвиг. Но таких, кто сделал бы военную службу своей профессией, единственной и самой важной на время войны, в истории советской музыки не так уж много, а композиторов-летчиков — и всего-то один. Это Леонид Викторович Афанасьев.

За свое высокое искусство он удостоен Государственной премии СССР, ордена Трудового Красного Знамени. А тринадцать наград — боевые: ордена Красного Знамени, Отечественной войны первой степени, Александра Невского...

— Леонид Викторович, в годы Великой Отечественной вы командовали эскадрилей легендарных «летающих танков» — штурмовиков ИЛ-2. Десять сбитых фашистских самолетов, свыше ста боевых вылетов... А потом — музыка к кинофильмам, песни, симфонические, камерные сочинения, произведения для духового и камерного оркестров... Конечно же, война оставила глубокий след в вашей музыке. Она — и память сердца, и урок воспитания чувств?

— О войне забыть не могу. Все, что я пережил со своими друзьями, — о том пишу. Когда сажусь за рояль — сделать песню на эту тему, она, песня, сама идет... Я не придумываю ничего. Просто сажусь и играю. От начала и до конца. И потом ни одной ноты не изменяю. Понимаете, вижу своих боевых друзей — слышу их... Многих я потерял здесь, в Минске.

— Вы освобождали Минск?

— Да, третьего июля я был на Минском аэродроме. А до того летал над его израненными улицами. Приаэродромная часть города была тогда, помнится, просто деревушкой, в которой нас и расквартировали. Пять авиаполов сгрудились тут. И в первую же ночь, когда нам впервые за многие недели разрешили, наконец, отоспаться, мы попали под страшную бомбежку. Всякое я повидал на войне, но такого!..

Филиппу Пархоменко, командирю второй эскадрильи, удалось собрать ребят, взлететь. Отчаянный был парень!.. Кстати, драматический тенор, после войны стал солистом Большого театра.

Так вот, ребята взлетели, а я задержался: увидел — по двору мечется девчушка лет девяти, обезумела от страха. Схватил я ее, побежал в поле. Но там, в траншее, она вырвалась. И... если б я ее догнал, меня бы, как и ее... Взрывом накрыло. Будто повис я в воздухе, падал медленно, медленно, а в лицо били комья грязи... Сначала исчез шум — оглох, потом перед глазами зажиглись громадные звезды и погасли — ослеп, перестал чувствовать руки, ноги. Злость была: погибать здесь, в грязной яме, не в бою!..

Нашел меня Василий Чукреев из нашей эскадрильи. Сознание вернулось во дворе какой-то избы. Мой стрелок Саша Кошелев — вскоре он погиб, — плача, поил меня водой. Говорят, выпил я чуть не ведро, это и спасло — много крови потерял. До полевого госпиталя довели живым. Потом был другой госпиталь, третий... Мама получила похоронку, позже — вторую. Загово-

рил я лишь четыре месяца спустя, под Смоленском. Лежал в Орше, Сочи, Москве, Алма-Ате...

— Но победу вы встретили в Чехословакии?

— Да, после госпиталей нашел свой полк, друзья придумали специальную левую педаль — я снова летал. День-два летал, третий отлеживался. Ведь семь осколков впились тогда в мой позвоночник. Два до сих пор со мной...

— Леонид Викторович, вы родом из Семипалатинска?

— Вырос в Семипалатинске. Но если считать мое «крещение» в Минске в сорок четвертом, то я... родом из Минска. И я этого не забываю. Здесь, на студии «Беларусьфильм», недавно вышла уже вторая картина с моей музыкой — «Свадебная ночь» по повести Ивана Шамякина. А до нее — «Письма к живым», посвященная героине белорусского народа Вере Хоружей.

— А еще — на других студиях — фильмы «Память сердца», «Прыжок на заре», «Это было в разведке», «Голубые молнии», «Морской характер», «Тяжелая вода», «Самый медленный поезд», многосерийный телевизионный «Тени исчезают в полдень»... По памяти все и не перечислять. Ведь фильмов, в которых живет ваша музыка, — семьдесят пять! И почти все так или иначе — о войне. Правда, я заметила: фильмов о войне, а песни — о любви?

— А вы можете жить без любви? Без любви к девушке, жене, матери, Родине мы б не выиграли войну. Сейчас я работаю над двумя крупными вещами. Одна из них — музыка к восьмисерийному фильму «Вечный зов». Там будет много лирики, будут и драматические эпизоды. Вторая работа — концерт для голоса с оркестром. Это — материнское... Боль моей матери, всех матерей. Ласка, нежность, любовь, похоронки... Кстати, я уже нашел исполнительницу этого вокализа. Студентка Московской консерватории. Прелестный голос, меццо-сопрано.

— Леонид Викторович, а как, собственно, произошла такая метаморфоза: летчик стал композитором?

— Это случайность. Правда, мама моя — пианистка и концертмейстер — пыталась сделать из меня музыканта. Но, когда мне стукнуло семь лет, она поняла, что спорить со мной бесполезно: у меня — мотоциклы, самолеты, планеры и ничего другого.

Хотя был еще один заход в музыку... Это когда, замороженный саксофоном, на котором

играл мой приятель, студент музыкального училища, я поехал вслед за другом в Свердловск. И меня, к удивлению, приняли в училище. На фортепианное отделение.

И все-таки... Все-таки очень скоро авиация победила. Летать я стал с шестнадцати лет, сразу после школы — знаменитое Оренбургское летное училище.

— Ну, а после войны?..

— Ехал из Ташкента домой в Семипалатинск — в Алма-Ате сняли: опять зашевелились осколки в позвоночнике, нечеловеческая боль... Это в сорок шестом было. А в Алма-Ате вдруг — девчонки, ребята, ученики моей мамы, тогда уже студенты консерватории. Они-то и забрали меня из госпиталя, когда начал потихоньку двигаться. С их легкой руки и попал я... на теоретическое отделение консерватории, потом на дирижерское.

Но... снова как в петле: операции, госпиталь в Москве... Вернулся, а дирижерское отделение закрыли. Приняли на композиторское! Хотя на приемных экзаменах сыграл лишь свои военные песни — больше-то у меня ничего и не было.

Нас было двенадцать верных друзей,

Надежные руки и крылья,

Нас было двенадцать веселых парней —

Первая эскадрилья...

Это — из моей фронтовой песни «Первая эскадрилья».

— И два с половиной года вы учились у профессора Евгения Григорьевича Брусиловского.

— Школа была хорошая. Когда поступил в аспирантуру Московской консерватории в класс Арама Ильича Хачатуряна, я уже ничему не удивлялся. Евгений Григорьевич научил меня всему.

— Охотно верю. Уже в пятьдесят первом году за свой концерт для скрипки с оркестром вы были удостоены Государственной премии СССР. За тридцать с лишним лет вами написаны сотни сочинений, которые получили широкое признание слушателей...

— Только вот с фамилией, говорят, не повезло мне: незапоминающаяся. Бывает, на встречах, когда узнают, кто автор полюбоившейся песни, с удивлением спрашивают: «Это — ваша?» Хотя поют ее очень давно. Как-то на одной из встреч в Хабаровске секретарь горкома, представляя слушателям композиторов, сидящих на сцене, сказал обо мне: «Ну, в его представлять не надо — его музыкальный паспорт все знают: «Гляжу в озера синие»...»

— Ну, что касается паспортов, у вас их очень и очень много. И в разных жанрах. Это — песни «О любви моей», «Эту песню с собою возьму», «Стерпится — слюбится» и еще добрая сотня, оперетта «Калифорнийский сувенир», симфония «Друзьям-однополчанам», Вторая симфония, героическая поэма «Черноморцы» и еще две симфонические поэмы, произведения для фор-

тепиано и виолончели, концерты для скрипки с оркестром, квартеты для струнных и духовых инструментов, романсы, музыка к драматическим спектаклям, фильмам. И большую часть образов этих сочинений композитор Афанасьев «позаимствовал» из боевой биографии летчика Афанасьева. В связи с этим хотелось бы еще затронуть некоторые проблемы, которые обсуждались на недавнем Всесоюзном пленуме комиссии военно-патриотической музыки Союза композиторов СССР в Минске.

— Тридцать шесть лет минуло, как отгремела Великая Отечественная, но вновь и вновь обращается к ней советское искусство. Это вечная тема.

— А современные музыкальные средства?

— Каждый из нас решает свою тему по-своему. Я, например, не считаю правомерным, чтобы композитор, имеющий свое лицо, вдруг поддался моде: ох, как я современен, надо было бы... И поехало! Потерял все и не приобрел ничего. Так вот, извините, но я лично никуда со своей дороги не сверну. Ведь если мы сейчас сядем за рояль и я сыграю вам три песни, то в одной вы найдете что-то, что возвращает нас к тому времени, во второй — уже к другому, в третьей — день нынешний. В песне всегда должно быть представление о времени.

— А как же композитор, родившийся после войны, может написать песню, которая отвечает настроениям и переживаниям не переживших войну?

— Значит, он угадал, почувствовал время! Вспомним песню Давида Тухманова «День Победы». Вначале она прозвучала для меня странно: какой-то фокстрот, на такую тему... А потом, знаете, послушал я ее и раз, и два и чувствую: попал автор в точку, захватила песня, все поют — и стар, и млад.

— Но много ли таких песен?..

— К сожалению, в последние годы мы как-то не всегда находим настоящий ключик к песням высокого гражданского накала. Я вспоминаю песни тридцатых, сороковых годов, времени покорения целины. Сейчас таких мало: заглушило шлагерство, задавило бряцание под гитару. Я очень люблю этот инструмент, люблю массу песен, которые композиторы пишут специально для гитары. Но, увы, — массовая песня не очень слышна. Значит, мы, композиторы, должны писать так, такие песни, которые бы пели люди. Для этого мы их пишем. Вот эти вопросы мы и обсуждали на прошедшем в Минске пленуме комиссии военно-патриотической музыки. К созданию такой музыки — хорошей и разной — я и призываю себя, своих товарищей, братьев по искусству.

— Успеха вам!

Беседу вела Г. ТАВЛАЙ.

СОВЕТСКИЙ БЕЛОРУССКИЙ Г. МИНСК

7 ЯНВ 1982